

Лев Семенович Гордон
ЗАБЫТЫЙ УТОПИСТ XVIII века
ТИФЭНЬ ДЕЛАРОШ

В сб. «ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ»
М.: изд-во Академии Наук СССР. 1962. С.89-111

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Тематические материалы:

В.Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin_soc2.pdf

В.Волгин. Социальные и политические идеи во Франции перед Революцией
<http://enlightment2005.narod.ru/science/volgin5.pdf>

В.Волгин. Французский утопический коммунизм
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70215973.htm>

А.Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы
Великой французской революции
http://enlightment2005.narod.ru/arc/comm_ioan-1.pdf

В.Волгин. Великая французская революция и социализм.
Идейное наследие бабувистов
(в сб. «Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в.»)
http://enlightment2005.narod.ru/science/volg_soc4.pdf

См. также работы, посвященные взглядам
Сильвена Марешаля <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#marech>
Пьера Доливье
Жана Мелье <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#meslier>
Ретифа де Ла Бретона <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#restif>

Идейное брожение во Франции XVIII столетия, связанное с ростом недовольства народных масс, привело к появлению в 50-х годах этого века огромной по объему философской и политической литературы остро полемического характера. Эти годы принято считать кульминационными во французском Просвещении; в обиход науки прочно вошла периодизация просветительской литературы по этапам: от 1715 по 1750 г., от 1750 по 1789 г.¹ Именно в 50-е гг., это переломное десятилетие, появились такие классические труды, как «Энциклопедия» Дидро и д'Аламбера (I том — в 1751 г.), «О происхождении неравенства» (1753 г.) и «Общественный договор» Руссо (1760 г.), «Кодекс природы» Морелли (1755 г.), «Об уме» Гельвеция (1758 г.), «Кандид» Вольтера (1759 г.) и «Происхождение восточного деспотизма» Буланже (1761 г.). Однако этими общепризнанными трудами не исчерпывается литература, идеологически подготовившая революцию; насытить книжный рынок они также не могли. Значительно большую массу книжной продукции дали пропагандисты и популяризаторы просветительской мысли, множество анонимных *faiseurs de brochures*, чьи книги и памфлеты, написанные легким, доступным языком, говорили народу о его нуждах и указывали возможный или желательный путь их преодоления. Из мемуарной литературы и донесений полиции, отзывов журналов и жалоб духовенства видно, какой размах в то время приобрела и какую роль сыграла литература философских романов и листовок-однодневок, «с одинаковой дерзостью нападающих на веру, совесть, трон и алтарь»².

Большая часть этих книг и брошюр ныне основательно забыта, забыты и имена их авторов. Это объясняется прежде всего тем, что в подавляющем большинстве они были только ученика-

¹ См., например, G. Lanson. Questions diverses sur l'histoire de l'esprit philosophique en France avant 1750. «Revue d'histoire littéraire de la France», 1912; J. P. Belin. Le Mouvement philosophique de 1748 à 1789. Paris, 1913.

² Из наказов духовенства 1789 г. См. И. Иванов. Политическая роль французского театра в связи с философией XVIII в. М., 1895, стр. 630; см. также E. Champion. La France d'après les Cahiers de 1789. Paris, 1897, p. 177.

ми, эпигонами, популяризаторами, становясь известными, в лучшем случае, лишь как представители школы того или иного классика Просвещения — школы Вольтера, школы Руссо и т. п. Но это не снимает с нас обязанности знать их творчество, чтобы не упустить своеобразных писателей, по той или иной причине оказавшихся забытыми.

Такая же судьба постигла и Шарля Франсуа Тифэня Делароша (Charles François Tiphaigne de la Roche), автора многих забытых ныне книг. Знакомясь с ними, мы обнаруживаем чрезвычайно любопытную эволюцию авторской мысли, поиски философской и социальной истины, приводящие автора к пониманию справедливости строя, основанного на общественной собственности и всеобщем труде. Творческий путь Тифэня Делароша, с его колебаниями, ошибками и противоречиями, очень самобытен и в то же время, видимо, характерен для множества его современников, также искавших ответа на волновавшие их вопросы. Поэтому интерес к творческим исканиям Делароша, как к явлению типическому для предреволюционной Франции, вполне оправдан.

1

Литературы о Тифэне Делароше, насколько известно, не существует: до нас дошли лишь две критические заметки о его книгах, написанные еще его современниками³, да в биографических словарях и библиографических справочниках Франции первой половины XIX в. о нем имеются краткие био-библиографические сведения. Его основному труду, утопии «Естественная, гражданская и политическая история галлигенов», посвящены полторы страницы в известной книге А. Лиштанберже⁴ и две строки в «Каталоге утопий» В. В. Святловского⁵.

По имеющимся сведениям, Шарль Франсуа Тифэнь Деларош родился в маленьком городке Монтебур около Кутанса на северо-западе Франции в 1729 г. Некоторые намеки из его книг и его скромная карьера позволяют предположить, что он был выходцем из обедневшей гугенотской дворянской семьи. Окончив медицинский факультет в городе Кан, он стал провинциальным врачом и литератором; книги свои он выпускал анонимно, но тем не менее они привели его в Руанскую академию. Умер он в своем родном городке в 1774 г., 45 лет от роду. Эта короткая жизнь, не знавшая, по-видимому, никаких внешних потрясений, была всецело отдана интенсивнейшей мыслительной деятельности, парадоксальной и противоречивой, начавшейся чрезвычайно ра-

но (первая книга Тифэня опубликована, когда ему было 20 лет) и завершившейся созданием утопии о галлигенах в 1765 г., за 9 лет до его смерти. На этом кончается его творческая эволюция, словно после выхода данной книги автор ничего больше уже не хотел или не мог сказать. Весь его творческий путь, насколько нам известно, является подходом к теме о галлигенах (французах — выходцах из Галлии), живущих на неведомом острове Южных морей в обществе, не знающем эксплуатации человека человеком, основанном на общественном труде и общественной собственности. В XVIII в. было создано немало аналогичных утопий, но в отличие от своих предшественников и современников Тифэнь Деларош первый подумал о возможных противоречиях и трудностях, с которыми встретятся строители нового общества.

Тифэнь Деларош впервые выступил в печати в 1749 г. с физиологическим трактатом «Разоблаченная любовь, или Система симпатистов»⁶, в котором декартовской идеалистической теории страстей противопоставляется как ее полярная противоположность наивно-материалистическая теория любви и ненависти. В следующей своей книге «Философская смесь»⁷ Тифэнь ставит перед собой задачу «устроить парад существующих систем и указать степень доверия, которой они стоят»⁸. Он обрушивается на Декарта, Ньютона, Лейбница за то, что их попытки объяснить устройство мира так противоречат друг другу; попутно он выступает против Локка и Гельвеция с позиций механистического материализма, приводящих его к идеалистическому тупику. Но наибольшую ярость вызывает у него насаждаемое сверху мировоззрение оптимизма: ему равно претит и лейбницианское положение о наилучшем из возможных миров и необходимом зле и учение Шефтсбери-Попа о том, что «когда голод и чума уничтожат почти всех живущих, когда половина человечества пережрет глотки другой, когда земля лопнет, как мыльный пузырь, — все будет благом»⁹.

Этот протест подводил Тифэня к мысли об ином устройстве человеческого общества, и уже в 1753 г. он выпустил новую книгу «Амилек, или Семена человека»¹⁰. Шутливый замысел показать духов, собирающих семена людей для заселения других планет, позволяет Тифэню сначала произвести отбор нужных и лишних на Луне характеров и типов, а потом изложить ту

⁶ [Ch.-Fr. Tiphaigne de la Roche]. L'Amour dévoilé, ou le Système des sympathistes, p. 1, 1749.

⁷ [Ch.-Fr. Tiphaigne de la Roche]. Bigarrures philosophiques. Amsterdam et Leipzig, 1752.

⁸ Ibid., p. VI.

⁹ Ibid., t. II, p. 113—114.

¹⁰ Ch.-Fr. Tiphaigne de la Roche. Amilec ou la Graine d'Hommes qui sert à peupler les planètes. A Luneville (в Лунограде), à l'enseigne de Fontenelle, [1752].

³ Fréron, Année littéraire, 1765, t. IV, p. 175 и Fr. M. Grimm. Correspondance littéraire. Paris, 1829, t. VI, p. 314. (Запись от 15 марта 1765).

⁴ A. Lichtemberger. Le socialisme au XVIII-e siècle. Paris, 1895, p. 371—372.

⁵ В. В. Святловский. Каталог утопий. М.—Пг., 1923, стр. 58.

оптимальную конституцию, согласно которой будет устроено общество «лунников».

Как истинный просветитель, Тифэнь прежде всего уделяет внимание воспитанию. По его мнению, «о воспитании следует заботиться с самого зачатия»¹¹. Поэтому будущая мать должна быть окружена красотой, развлечениями, радостью, она сама должна кормить младенца. Затем ребенок поступает «в руки добродетельных и мудрых учителей, которые ему будут преподавать науки и внушать добродетель»¹². Тифэнь считает, что воспитатели будущих лунников должны стать впоследствии их законодателями: «закончив воспитание нежной надежды отечества, они сами будут выдвинуты на первые посты, как единственно способные заставить лунников повиноваться законам, которые они научили их любить»¹³.

Законы этой страны должны быть просты и немногочисленны. Особое внимание уделяется законам о браке: «Законодатель должен специально блюсти браки: не следует мешать выбору гражданина..., но нужно умело направлять его выбор, чтобы, выбирая для себя, он делал выбор, нужный обществу, и такой, какой общество предвидело; чтобы личное его счастье было оплотом сограждан»¹⁴. Поэтому в обществе лунников господствуют драконовские законы, карающие нарушение добродетели: «Прелюбодеяние будет караться смертью», и «совращение девушек будет караться как убийство»¹⁵. Суровая добродетель граждан, по мнению Тифэня, делает их всех равными перед законом: «Дворянства не будет, ибо не может быть различий между людьми, которых добродетель сделала равными. Но так как это равенство не будет совершенным (*cette égalité ne seroit pas parfaite*), будет существовать личное дворянство, но не сословие наследственного дворянства»¹⁶.

Проповедуемое Тифэнем в этот период равенство является лишь буржуазным равенством перед законом: всякую мысль о равенстве социальном он отвергает. «Имущество не будет совместным, ибо таланты будут различны, а ведь нужно, чтобы таланты поощрялись. Будут бедные и богатые, ибо разве без этого могут быть искусства и великие добродетели?»¹⁷.

Развивая далее ту же тему, Тифэнь отчетливо выявляет свои иллюзии мелкого буржуа, мечтающего о сохранении лич-

ной собственности и известного имущественного неравенства: «Хотя все люди рождаются равными, они не могут долго быть ими. Неравенство состояний и богатств — одна из самых прочных связей общества. Но большая диспропорция благ — причина разрушения этого же общества. Разве не стыдно, что откупщики богаче государей? Разве не страдает человечество, видя людей, умирающих от голода, холода, горя, тогда как другие пользуются в избытке пищей, удовольствиями и удобствами? Пусть распределяют блага пропорционально, никто от этого не пострадает: неравенство сохранится, но все будут счастливы»¹⁸.

По мнению автора, врача по профессии, «этот народ не будет нуждаться в медиках, ибо здоровые и добродетельные дети здоровых и добродетельных отцов умирают лишь от старости»¹⁹, а «все больные, нездоровые, уродливые, глупые и злые члены общества будут отсечены от общества»²⁰. Для удобства управления автор считает необходимым периодически сокращать число жителей этой идеальной страны: «И так как, чрезмерно разросшись, это общество не могло бы существовать, несмотря на постоянную бдительность магистратов, каждые десять лет оно будет отсылать некоторое количество людей, дабы предотвратить беды, которые принесло бы увеличение населения. Эти люди будут выбраны из самых порочных и плохо сложенных, причем самые порочные этой республики могут оказаться самыми добродетельными в других странах»²¹.

Общество должно строиться на строго патриархальной основе, и семейный принцип пронизывает все сверху донизу: в семье все обязаны повиноваться родителям, потому что «семьи, объединенные подобным образом, не вырождаются, они взаимно помогают и поддерживают друг друга. И это доброе согласие поддерживает их честь и авторитет»²². То же правило распространяется на государство: «в монархическом государстве подданные должны чтить короля и повиноваться ему»²³. Отношения между королем и подданными перерастают в утопическую идиллию фенелоновского типа: «Счастливо государство, в котором король рассматривает подданных как своих детей, а подданные рассматривают короля как любимого отца»²⁴. При этом особо подчеркивается, как важно, чтобы между королем и народом никто не становился и чтобы никто не считал вассальную верность феодалу выше долга перед королем: «Законы государства повелевают слушаться короля и запрещают любые обяза-

¹¹ Ch.-Fr. Tiphaigne de la Roche. Zamar, député à la Lune par Amilec Grand-Maitre de la Manufacture des Graines d'Hommes. Troisième édition, augmentée de la Relation du voyage d'un sublunaire. A Luneville, à l'enseigne de Fontenelle, s. a., p. 58.

¹² Ibid., p. 59—60.

¹³ Ibid., p. 61.

¹⁴ Ibid., p. 62.

¹⁵ Ibid., p. 64.

¹⁶ Ibid., p. 64—65.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibid., p. 90—91.

¹⁹ Ibid., p. 66.

²⁰ Ibid., p. 65.

²¹ Ibid., p. 66—67.

²² Ibid., p. 68.

²³ Ibid., p. 69.

²⁴ Ibid., p. 71.

тельства, противные этому первому долгу»²⁵ «Тот, кто целиком посвящает себя какому-нибудь лицу, стоящему выше него по рангу или по рождению, рискует оказаться недостаточно верным своему государю, если особы, с которыми он себя связал, сами будут недостаточно верны»²⁶. Поэтому предлагается все заботы управления и даже все реформы передоверить королю и его министрам. Зато, утверждает Тифэнь, «общественное благо должно лечь в основу всех реформ»²⁷. От короля настоятельно требуется, чтоб он опирался на народ и выбирал себе министров, удобных народу: «Какое правительство ни возьми... лучшим всегда будет то, которое управляется более честными людьми. Следует советоваться с народом о выборе тех, кому поручаются ответственные посты. Мнение народа определяется тем, чего он не может не знать; народ на городской площади осведомлен лучше, чем монарх в своем дворце»²⁸.

Король, опирающийся на народ, «должен иногда посещать поля и прокладывать первую борозду. Эта церемония воздала бы честь сельскому хозяйству. Он должен также поощрять тех, чья земля в соответствии с качеством почвы окажется наиболее плодородной. И никакой город не должен иметь больше жителей, чем может прокормить его окрестность; остаток же нужно расселять в пустынной провинции, где много невозделываемых и заброшенных земель»²⁹.

Тифэнь далее излагает теорию справедливого максимума хлебных цен и хлебной политики, занимая отчетливую позицию защиты интересов плебеев в городе и крестьян в деревне: «Зерно должно всегда быть в соответствии с временем года и местностью, где оно растет, в одной цене, достаточно высокой, чтобы крестьянин мог жить и выплачивать налоги. Всем без исключения будет запрещено продавать зерно под страхом самых строгих наказаний; каждый город и каждое местечко будут иметь общественный склад, куда будет свезено все зерно с соответствующей территории. Губернаторы и магистраты оплатят его на месте и проследят за его сохранностью на некоторое ограниченное время. Если в какой-нибудь провинции случится неурожай, то зерно в соответствии с его запасами на складах и потребностями народа будет изъято из других областей, чтобы его можно было доставить в голодающую провинцию; подвоз будет осуществляться посредством повинности: таким образом, хлеб не будет здесь дороже, чем в других местах»³⁰. Тифэнь подчеркивает, что его программа имеет в виду не только интересы народа, но и интересы государства, потрясаемого хлебными бунтами:

²⁵ Ch.-Fr. Tiphaigne de la Roche. Zamar, député à la Lune..., p. 72.

²⁶ Ibidem.

²⁷ Ibid., p. 78.

²⁸ Ibid., p. 78—79.

²⁹ Ibid., p. 81—82.

³⁰ Ibid., p. 82—83.

«Тогда можно будет избежать тех маленьких бунтов, к которым привывает чернь и которые могут когда-нибудь стать опасными»³¹.

От хлебных законов Тифэнь переходит к налоговой политике, предлагая также перестроить ее в пользу плебейских масс города и деревни: «Никогда не следует взимать налогов со всего, что кормит, одевает, согревает и освещает бедный народ — вот верный способ всегда иметь его поддержку. Наоборот, следует удвоить налоги на то, чем пользуются зажиточные люди, и утроить налоги на роскошь и прихоти: никто бы не жаловался, а казна государства выиграла бы»³². Тифэнь предлагает не запретить роскошь, а лишь ограничить ее. Однако он считает недопустимой роскошью наличие множества слуг — лиц, не занятых общественно полезным трудом: «Нет ничего более противного благу государства, чем огромное количество слуг. Не смешно ли, что у торговца безделушками и ненужными вещами их бывает пять или шесть, когда хватило бы одного? Пусть четверо или пятеро из них работают на земле, ткнут шерсть, лен, шелк»³³.

Государство, по проекту Тифэня, должно поощрять торговлю и ремесла, науки и искусства: «Государство должно покупать полезные секреты, новые изобретения, публиковать их и вводить во всеобщее пользование. Следует также покровительствовать и чтить науки, искусства, таланты и все добродетели. Просвещенный и справедливый судья, хороший юрисконсульт, умелый негодичант, смелый полководец, знаменитый автор и превосходный артист должны считаться равными, все они равно полезны отечеству»³⁴.

Тифэнь предусматривает даже карательные меры в своем идеальном государстве, не смущаясь тем, что это некоторым образом противоречит его собственным вышеприведенным соображениям. Так, он считает, что «никакого преступника нельзя казнить: их следует использовать на общественных работах, прокладке каналов и дорог, разбив на группы в зависимости от преступлений. Обычно больше боятся длительности наказаний, чем даже насильственной смерти, прекращающей их в кратчайшее время»³⁵. Но в отношении женщин-преступниц Тифэнь предлагает иной способ наказания, основанный на особенностях женской психологии. Женщин, уличенных в преступлениях, следует приговаривать к смерти, легкой или мучительной, медленной или быстрой, в зависимости от обстоятельств дела. Они боятся смерти, как правило, больше, чем мучений. Кстати, их нельзя

³¹ Ibid., p. 83—84.

³² Ibid., p. 84.

³³ Ibid., p. 85—86.

³⁴ Ibid., p. 86—87.

³⁵ Ibid., p. 88.

использовать на тяжелых работах, и они развратили бы колонии, если их туда посылать»³⁶.

Особые законы должны, по мнению Тифэня, защищать ремесленника от злостных знатных неплательщиков (и в этой его ранней утопии отчетливо проявляется реальная бытовая сторона повседневной жизни XVIII в.): «Следовало бы восстановить тот древний закон, который заставлял неплательщиков носить на шляпе позорящий знак, служащий для их опознания, чтобы помешать им снова дурачить людей. Это сдержит подобных им. Следовало бы также не допускать их детей на какие-либо посты, пока они не выплатят долгов отцов»³⁷.

После эгалитаристской утопии о заселении Луны в творчестве Тифэня наступает перерыв. Лишь через шесть лет он снова выступает в печати, на этот раз с трудами научного порядка (в понимании XVIII в.): «Вопросы, относящиеся к сельскому хозяйству и к природе растений»³⁸ и «Опыт экономической истории морей, омывающих запад Франции»³⁹. Вслед за тем выходит его памфлет «Гифантия»⁴⁰ о древе познания добра и зла, выродившемся в древо, плодящее трактаты и диссертации, и иронический трактат «Власть зазирисов»⁴¹, в котором люди изображены игрушками духов «зазирисов». Библиограф Брюнэ называет эту книгу «продолжением традиции «Графа Габалиса» аббата Виллара»⁴², однако никакой мистики в книге Тифэня нет, и сам он в ней отмечает, что его «духи подчиняются всем естественным законам»⁴³. Фикция духов нужна ему лишь для того, чтобы сравнить щеголя с павлином, гуляющим в саду у зазириса, педанта — с попугаем в его клетке, журналиста — с собакой, которую злой зазирис натравливает на прохожих, и т. д. Успеха эта книга не имела, и Тифэнь опять надолго замолкает.

2

Весной 1765 г. на подпольном книжном рынке Парижа появилась новая книга «История галлигенов, или Мемуары Дункана»⁴⁴, опубликованная, как указано на титульном листе,

³⁶ Ch.-Fr. Tiphaigne de la Roche. Zamar, député é la Lune..., p. 88—89.

³⁷ Ibid., p. 89—90.

³⁸ [Ch.-Fr. Tiphaigne de la Roche]. Questions relatives é l'agriculture et à la nature des plantes. La Haye, 1759.

³⁹ [Ch.-Fr. Tiphaigne de la Roche]. Essai sur l'histoire économique des mers occidentales de France. Paris, 1760.

⁴⁰ [Ch.-Fr. Tiphaigne de la Roche]. Giphantie. La Haye [Paris], 1760.

⁴¹ [Ch.-Fr. Tiphaigne de la Roche]. L'Empire des Zaziris sur les humains, ou la Zazirocratie. Pekin [Paris], 1761.

⁴² A. B-t [A. Brunet]. Tiphaigne. «Biographie universelle». Paris, 1829, t. 41, p. 576.

⁴³ [Ch.-Fr. Tiphaigne de la Roche]. L'Empire des Zaziris..., p. 6.

⁴⁴ [Ch.-Fr. Tiphaigne de la Roche]. Histoire des Galligènes, ou Mémoires de Duncan. Amsterdam, 1765.

в Амстердаме. Grimm отозвался на нее краткой заметкой в «Литературной корреспонденции»⁴⁵. Несмотря на уничижительный отзыв Гримма, книга, по-видимому, пользовалась спросом, так как через пять лет, в 1770 г., появилось ее дополненное издание — «Естественная, гражданская и политическая история галлигенов, антиподов французской нации, от которой они ведут свое происхождение, где описывается рождение, развитие, нравы и своеобразные добродетели этих островитян, революции и чудесные продукты их острова, вместе с историей их основателя»⁴⁶. На этот раз местом издания была названа Женева и указывалось, где можно купить эту книгу в Париже. Именно этим изданием мы и пользовались.

В литературе XVII—XVIII вв. существовали сложившиеся традиционные каноны жанра утопического романа как ветви романа о путешествиях и приключениях. В этой традиции написаны роман Габриеля де Фуаньи «Приключения Жака Садера»⁴⁷ (1676), «История севарамбов» Дени Вераса⁴⁸ (1677), «Путешествия и приключения Жака Массе»⁴⁹ Тиссо дю Пато (1710), «Новый Гулливер» Дефонтэна⁵⁰ (1730) и т. п. Этой же сложившейся традиции следует и автор книги о галлигенах. Любому читателю, впрочем, ясно, что описание бури, кораблекрушения, спасения и страхов единственного спасшегося на неизвестном острове путешественника, француза по имени Дункан — лишь дань литературной традиции. Вся эта часть первой главы написана предельно сжато и изложена в немногих строго необходимых словах. Почти сразу же мнимый герой романа, мореплаватель Дункан, встречает подлинных героев книги, жителей утопической страны галлигенов. Они вступают в разговор: «Как живут наши братья в Европе?» — спрашивают галлигены, и Дункан отвечает: «Ваши братья живут, как могут, и как угодно обстоятель-

⁴⁵ Fr.-M. Grimm. Correspondance littéraire. Paris, 1829, t. V, p. 42.

⁴⁶ [Ch.-Fr. Tiphaigne de la Roche]. Histoire naturelle, civile et politique des Galligènes antipodes de la nation française, dont ils tirent leur origine; Où l'on développe la naissance, les progrès, les moeurs et les vertus singulières de ces insulaires. Les révolutions et les productions merveilleuses de leur isle, avec l'histoire de leur Fondateur. A Genève, chez les Frères Cramer. Et se trouve à Paris chez Humaine. Libraire, rue de Marché Palu, vis-à-vis la Vierge de l'Hôtel-Dieu MDCCLXX.

⁴⁷ [Gabr. de Foigny]. La Terre australe connue; c'est-à-dire la Description de ce pays inconnu jusqu'ici, de ses moeurs et de ses coutumes, par M-r Sadeur, avec les aventures qui le conduisèrent en ce continent. Genève, 1676.

⁴⁸ [D. Vairasse]. Histoire des Sévarambes, peuples qui habitent une partie du troisième continent communément appelé la terre Australe, contenant un compte exacte du Gouvernement, des moeurs etc., traduite de l'anglois. A. Paris, 1677.

⁴⁹ [Tissot du Patot]. Voyages et aventures de Jaques Massé. A Utopie [Bordeaux], 1710.

⁵⁰ [Desfontaines, abbé]. Le Nouveau Gulliver, 1730.

ствам»⁵¹. Эта беседа подготавливает читателя к восприятию основного замысла книги: не просто описывать некую далекую страну, а непрестанно, хотя и завуалированно, сопоставлять ее нравы, порядки и социальный строй с нравами, порядками и социальным строем Франции второй половины XVIII в. Автор постоянно сталкивает явления и точки зрения: описав то или иное явление, указывает, что об этом думают галлигены и как отнесся к этому Дункан, затем высказывает свое отношение и, наконец, обращает вопрос непосредственно к читателю, какое решение принял бы он.

Благодаря этому приему мысль читателя находится в непрерывном напряжении, в этом — основное достоинство книги, просветительской в самом широком смысле слова. Роман путешествий перерастает в философский диалог между автором и читателем; утопия теряет одноплановость осведомительного сообщения, а становится судилищем над миром частной собственности (хотя вначале кажется, что автор скептически относится к собственности общественной). Основной приговор этого судилища подводит Дункана, а с ним и читателя, к выводу о неоспоримых преимуществах строя галлигенов.

На острове галлигенов все трудятся, и собственность обобществлена. «Они живут сообща (en commun): земля, продукты, жены и дети, все принадлежит всем, ничто не принадлежит никому в частности»⁵². Плоды общего труда принадлежат обществу: «Все должны отдавать труд своих рук республике»⁵³. От трудовой деятельности освобождены только дети, еще не окрепшие подростки и старики; таким образом, трудом занята лишь половина населения и то лишь дважды в неделю, «этой легкой работы достаточно потому, что их почва производит много, а роскошь не пожирает ничего»⁵⁴.

Свободное время галлигенов отдано наукам и искусствам: во время прогулок в парке, опоясывающем их город, «каждый извещает о своих открытиях или знакомится с открытиями других. Здесь приняты все жанры: математик чертит фигуры на песке, художник и скульптор выставляют свои произведения, архитектор развешивает свои планы, музыкант вызывает к вкучу публики. Тут декламирует оратор, дальше учатся танцам, еще в нескольких шагах оттуда говорят о морали — все пригодно. Один задерживается на чем-нибудь, другой последовательно переходит от группы к группе поэтов, артистов, ораторов, танцоров, философов; третий гуляет, не принимая участия ни в чем: большая свобода во всех отношениях. Мужчины, жен-

щины, молодые, старики — каждый показывает или смотрит, слушает или говорит, спрашивает советов или дает их; все равны. Делают то, что хотят делать, и являются тем, чем хотят быть»⁵⁵.

Этому счастливому строю Тифэнь противопоставляет строй, основанный на частной собственности: «Там, где законы даруют право собственности, одни имеют много, другие мало, большинство же не имеет ничего. Те, кто ничего не имеют, желают чего-нибудь, те, кто имеют много, желают еще большего и вот источник бед и беспорядков»⁵⁶.

Утопия Тифэня Делароша, как и вся революционная литература, сопутствовавшая первым, еще незрелым движениям предпролетариата, не могла быть свободна от иллюзий своего времени, поэтому ей свойственна та грубая уравнительность и аскетизм, о которых говорит «Манифест Коммунистической партии»⁵⁷. Но следуя своей задаче — заставить читателя мыслить — Тифэнь предлагает ему решить, оправдывает ли общественная собственность связанное с нею уравнительство. Считая, подобно Морелли, Мабли и другим утопистам своего времени, уравнительство неизбежной платой за преимущества общественной собственности и понимая отрицательные стороны уравнительства, многим казавшегося благом, Тифэнь подводит читателя к вопросу о том, оправдано ли уравнительство. И сам утверждает его как неизбежную расплату за высшую справедливость нового общественного строя.

«Талант, искусство, наука — ничто у галлигенов не поощряется вознаграждениями и прерогативами. Там, где нет никакой собственности, не может быть вознаграждений; там, где все должны пребывать в совершенном равенстве, не может быть отличий. Само желание добиться уважения сограждан, столь похвальное в любом другом обществе, подозрительно и считается слабостью, близкой к пороку... Таким образом, добродетель является сама себе наградой и не побуждается ничем, кроме любви к своим соотечественникам и желания быть им полезной. Большое ли это зло? — Да, говорит наш путешественник, и очень большое. Сама по себе добродетель ничего не может; а если бы она и могла воздействовать на некоторые души, — сколько есть других, побуждаемых лишь духом выгоды (esprit d'intérêt). Если вы хотите добиться, чтобы добродетельных поступков было больше, свяжите их с вознаграждением»⁵⁸. Автор отрицает эту точку зрения: «Я сомневаюсь, чтобы Дункан был прав. Там, где имеются вознаграждения, звания, титулы, отличия, там множится соперничество; а оно зачастую, вместо того,

⁵¹ [Ch.-Fr. Tiphaigne de la Roche]. Histoire des Galligènes, t. I, p. 4—5.

⁵² Ibid., p. 16.

⁵³ Ibid., p. 18.

⁵⁴ Ibid., p. 18—19.

⁵⁵ Ibid., t. II, p. 2.

⁵⁶ Ibid., t. I, p. 19.

⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 455.

⁵⁸ [Ch.-Fr. Tiphaigne de la Roche]. Histoire des Galligènes, t. I, p. 21.

чтобы побуждать к соревнованию, оказывается лишь неисчерпаемым источником волнений и беспорядков. Злодей, стремящийся не к заслуге, а лишь к награде, часто идет ради этого окольными путями и совершает тайные преступления. И, наконец, руки, распределяющие блага, предназначенные добродетели, почти никогда не справляются с этим по справедливости. А это поощряет плохого гражданина и расхолаживает добрых. Злоупотребление вознаграждением приносит по меньшей мере столько же зла, сколько приносит блага правильное их распределение, которое все же иногда бывает. Так не лучше ли, чтобы вообще не было вознаграждений?»⁵⁹

Сопоставляя нравы европейцев с обычаями галлигенов, Тифэнь выявляет, что при строе, основанном на частной собственности, сама добродетель является лишь производной от отношений собственности. «В вашей стране каждый сеет для себя, заботится лишь о себе. Понятие общего блага дает лишь смутное представление о долге перед суммой всех граждан (*collection de tous les citoyens*) и не включает в себя помощи, которую следует оказывать каждому в частности. Поэтому необходимо, чтобы процветала дружба: будет благо, если частные связи станут множиться, если узы дружбы будут пользоваться уважением, а законы ее — почитаться священными. Не будь дружбы, к кому прибежал бы гражданин в крайней беде? Его и так часто покидают те, кого он назвал своими друзьями. Что же остается делать другим?»⁶⁰

Аскетизм Тифэня принимает своеобразную этическую форму — форму отказа от тех эмоций и добродетелей, которые он считает неизменным свойством мира частной собственности, — дружбы, любви к жене и семье. По его мнению, эти добродетели в мире обобществленной собственности должны стать пороками: «Не думайте, что мы считаем дружбу, взятую сама по себе, чем-то заслуживающим упрека. Мы слишком ценим узы, способные объединять людей, обеспечивать их взаимопомощь и смягчать неизбежные беды человечества. Там, где ничто не может заменить благ дружбы, мы считаем ее необходимой и достойной прекрасных душ. Но здесь нас объединяют иные узы, и они могут быть только ослаблены дружбой: мы по справедливости отбрасываем ее»⁶¹. Подобным же образом он рассуждает и о семье. «В Европе государство не обязано кормить, воспитывать и обучать детей, каждый отец семейства должен заботиться о своих. Это — бремя, и нужна вся отцовская нежность, чтобы облегчить его. Поэтому для порядка чрезвычайно важно, чтобы отцы семейства из поведения своих супругов делали вывод, что тяготы, возло-

женные ими на себя, не расходуются на чужих детей. Отсюда следует, что мудро поступает та женщина, которая сохраняет верность одному мужчине. Это действительно очень похвальная добродетель применительно к вашим нравам. Но у нас республика берется воспитывать детей: ей нет дела до того, кто их отец, и гражданину мало дела до того, кто его сын»⁶². Тифэнь, таким образом, приближается к пониманию того, что в мире, основанном на частной собственности, брак является «некоторой формой исключительной частной собственности»⁶³, о чем говорит Маркс. Институту семьи — частной собственности — Тифэнь противопоставляет общность жен, пытаясь при этом защитить свой проект (свойственный, впрочем, не ему одному: он обнаруживается, например, и в «Базилиаде» Морелли) от обвинений в разврате и в нивелировании личности: «Вы правы, — сказал старейшина Дункану, — женщины, покорные пылу своего темперамента, девушки, опьяненные распутством, бесчестная торговля, покрывающая позором самые нежные дары природы людям, — вот что вы понимаете под общностью жен. С этой точки зрения она вам отвратительна, и так и должно быть. Но женщина, с умеренностью уступающая желаниям и вкусам, рождающимся в ее сердце, или рождаемым ею в сердцах других, — кто может ее обвинять, если закон ее не обвиняет? Кто наоборот не станет поощрять ее, если закон ее поощряет? Таковы галлигены. Единственное, что советует природа в области наслаждений, это умеренность. Различные законы общества заставили их ограничить; если наша республика оставила им больше свободы, тем лучше для граждан»⁶⁴. Отсюда — заключительный, обобщающий тезис Тифэня: «У нас здесь одна мать — наша республика, и мы все братья. Любая связь, которая стремилась бы исключительно привязать нас к кому бы то ни было, противоречила бы духу наших законов. Вы делаете все, чтобы умножить частные связи, мы делаем все, чтобы их уничтожить»⁶⁵.

На небольшом острове галлигенов существует один город, окруженный полями и виноградниками, — «все тем, что сельские промыслы могли создать для пользы и для удовольствия»⁶⁶. В восточной части, около величественной статуи, изображающей природу и ее благодетеля, расположен дворец детей, куда пере-

⁶² Ibid., p. 155—156.

⁶³ К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 586.

⁶⁴ [Ch.-Fr. Tiphaigne de la Roche]. Histoire des Galligènes, t. I, p. 152—153.

⁶⁵ Ibid., p. 161.

⁶⁶ Ibid., p. 9.

⁵⁹ [Ch.-Fr. Tiphaigne de la Roche]. Histoire des Galligènes, t. I, p. 21—22.

⁶⁰ Ibid., p. 31.

⁶¹ Ibid., p. 29—30.

дают всех новорожденных; в западной части ему соответствует дворец старейшин. Между этими двумя дворцами расположены жилые кварталы (мужские — налево, женские — направо), обрамленные зеленью и украшенные скульптурой. Система каналов и подъемных мостиков при этом не только украшает город, но и позволяет изолировать любой квартал. Достигнув 7 лет, дети покидают восточный дворец. Чем старше они становятся, тем дальше переселяются от дворца детства, пока наконец, убежденные сединами, не попадают во дворец старейшин, чтобы оттуда управлять республикой.

Наука и искусство, говорит Тифэнь, достигли у галлигенов больших успехов. Отдельная глава посвящена изложению их педагогических принципов, философии и науки. Тифэнь особенно настаивает на том, что женщины и мужчины имеют одинаковое право на образование: «Что касается наук, то оба пола получают равное образование, а когда Дункан рассказал им, как мы ведем себя в этом отношении, они спрашивали его, не придерживаемся ли мы мнения, что женщины не способны думать. Трудно себе представить, до чего удачна эта система: женщины равны мужчинам в знаниях, гении, вкусе, и в некоторых областях добиваются чрезвычайно больших успехов»⁶⁷. Тифэнь очень высоко ценит педагогическое мастерство галлигенов и их способности выращивания талантов: «Стоит родиться в их среде одному из счастливых гениев, которому на роду написано просвещать других, как заботы республики, простирающиеся на всех граждан, не преминут содействовать его развитию и создадут необходимые для этого условия. Это единственная страна, где природа никогда не работает впустую, ее дарами никогда не пренебрегают, ни один талант не погибает в пренебрежении или забвении, все приносит плоды, и галлигены изо всех сил движутся по пути наук и искусств»⁶⁸.

Население небольшого острова галлигенов не превышает ста тысяч человек, как и в республике лунников, это объясняется не только невозможностью прокормить большее число едоков на такой небольшой территории, но и тем соображением, что подобный строй был бы невозможен при большой численности населения. Тифэнь здесь, очевидно, следует принципам Руссо, который считал, что полная демократия возможна лишь в небольших по населению государствах. Поэтому прирост населения регулируется, исходя из удобства управления и ограниченности пищевых ресурсов. Речь идет уже не о высылке непригодных граждан (как это предлагал сам Тифэнь в 1753 г.): численность населения у галлигенов ограничивается путем введения время от времени законов аскетизма, регулирующих деторожде-

ние. Это встречает возражение Дункана, который, считая многочисленность населения безотносительным благом, заявляет: «Всякая здравая политика должна усвоить принцип поощрения прироста населения... Мы, философы, хорошо понимаем интересы человечества; хотя мы и не думаем о том, как сделать людей счастливыми, это все же не мешает нам изыскивать всевозможные способы увеличивать их число. Об этом у нас написаны самые лучшие книги в мире»⁶⁹. В таком ироническом тоне Тифэнь полемизирует с известными положениями школы физиократов о роли народонаселения. По его словам, «Дункан непременно хотел, чтобы люди размножались, каков бы ни был удел размножаемых»⁷⁰.

Галлигены — чрезвычайно мирный народ: их государство не нуждается в завоеваниях. «Их история была бы плохой школой для военного. Никакая война не прославила этой нации, достаточно счастливой, чтобы пребывать в неизвестности. Они упражняются в военном искусстве лишь для того, чтобы защищаться в случае, если бы на них напали»⁷¹.

Галлигены не атеисты, но и не католики или гугеноты: их религия представляет собой чистый деизм. «У них нет никакой церкви, никакой синагоги, никакой мечети, никакого минарета. Природа, говорят они, единственный храм, достойный божества»⁷². Поэтому их обряды чрезвычайно просты и имеют скорее моральный характер, чем религиозный: «Они собираются в определенные дни то в одном, то в другом месте, поют гимны, читают свои законы, старейшины обращаются к народу — в этом и состоит весь культ галлигенов»⁷³. При этом их законы обеспечивают полную веротерпимость, что исключает возможность религиозных войн между ними. Впрочем Тифэнь усматривает в этом мало радости: «Сегодня, вероятно, не найти и ста галлигенов, придерживающихся одного мнения, и республика разделена на множество сект. Отсюда дух фракционности, постоянные споры, инвективы вместо доводов, ожесточенные возражения, возбуждение, которое большей частью кончается ненавистью и скрытым преследованием. Таковы люди! Заставьте их принять какое-нибудь мнение и половина скорее пожертвует жизнью; предоставьте им свободу мысли, и половина, ненавидимая другой, станет ненавидеть первую»⁷⁴. Отсюда делается печальный вывод о незначительности человеческого характера и о том, что безоблачного счастья нет ни в каком обществе: «Хотя их религия, законы, обычаи и нравы отличаются от всего того, что мы видим у дру-

⁶⁹ Ibid., t. I, p. 110—111.

⁷⁰ Ibid., p. 111.

⁷¹ Ibid., p. 18.

⁷² Ibid., p. 16.

⁷³ Ibidem.

⁷⁴ Ibid., p. 92.

⁶⁷ [Ch.-Fr. Tiphaigne de la Roche]. Histoire de Galligènes, t. I, p. 17—18.

⁶⁸ Ibid., t. II, p. 30—31.

гих наций, галлигены обладают теми же пороками, так же жалуются и подвержены тем же бедам»⁷⁵.

Сама республика галлигенов основана мудрым гугенотом Альмоном, бежавшим с семьей от религиозных преследований во Франции. Его жена умирает во время морского путешествия; сам он, чудом избежав гибели при кораблекрушении, спасается с маленькими сыном и дочерью во время бури на острове, возникшем из моря под тонущим кораблем. Тифэнь тут настолько пренебрегает правдоподобием, уступая условиям жанра, что заставляет остров подняться из морской пучины вследствие землетрясения в самый момент кораблекрушения. Новый Робинзон начинает с двумя детьми новую жизнь на острове около обломков корабля: «Бросив взгляд презрения и негодования на богатые товары, которыми был нагружен корабль, и на столь ценное, но столь бесполезное здесь золото и серебро, он искал более реальных богатств»⁷⁶. Альмон находит на корабле зерна злаков и семена плодов, корзину птичьих яиц и т. п.— все это размножается в благодатном климате южных морей с особенной быстротой и вскоре начинает кормить его и его потомство. Стоит отметить, что на острове встречаются и совсем экзотические растения, вроде дерева (бывшей водоросли, быстро приспособившейся к жизни на суше у берега моря), откачивающего морскую воду и превращающего ее в ароматный сок. Затем этот сок густеет, превращаясь во вкусную питательную смолу. Здесь Тифэнь пускается в ироническое рассуждение о той ценности, которую могла бы представлять эта смола на европейских рынках: «Если бы мы смогли когда-нибудь найти наших братьев галлигенов, мы бы отлично сделали, покупая у них за бесценок и продавая в Европе очень дорого эту замечательную смолу. Было бы нетрудно создать на нее у нас спрос: известно, как легко мы увлекаемся всем, чем угодно. Можно было бы, например, договориться с медицинским факультетом: медики взяли бы соляную смолу под свое покровительство, и вскоре она стала бы укреплять желудок, успокаивать голову... Из любопытства, прихоти, моды каждый постарался бы ее достать. Вскоре привычка превратила бы ее в потребность, и по мере роста ее необходимости можно было бы увеличивать на нее цену. Какой новый источник для мира финансов! Но не надо слишком углубляться в размышления, которые и без меня придут в голову нашим прожектерам»⁷⁷. Несомненна связь этих строк с ростом потребления кофе в XVIII в., столь выгодным для плантаторов Сан-Доминго. Заметим, кстати, что медицина той эпохи чрезвычайно расхваливала целебные свойства кофе.

⁷⁵ [C.-Fr. Tiphaigne de la Roche]. Histoire des Galligènes, t. I, p. 24.

⁷⁶ Ibid., p. 51.

⁷⁷ Ibid., p. 62—63.

Через несколько лет дети Альмона, его сын Альмонтэн и дочь Альмонтина подрастают и влюбляются друг в друга. Альмон становится дедом, а вскоре и прадедом. Чрезвычайно быстро население острова вырастает до ста тысяч человек, строит оvoid город, обрабатывает окрестные холмы и разбивает парк, сады и виноградники. Открытие «воздушного льна» (паутинки неведомого насекомого, принятой из-за своей прочности за растительное волокно и лишь поздней изученной галлигенами) приводит к внедрению у них ремесел: прядения у женщин, ткачества у мужчин. Наконец, потомки Альмона сами доходят до понятия божества (ибо он сам, помня о перенесенных религиозных гонениях, решил воспитывать их в полном неведении религии) и даже до вопросов, поставленных во Франции энциклопедистами,— не может ли определенным образом организованная материя мыслить. Именно тогда галлигены и ввели у себя узаконенную свободу мысли, «ибо разница мнений призвана уменьшить ту веру, с которой мы относимся к нашим мнениям, а не внушать нам чувство горечи против мнений ближних, ибо в конце концов ошибка достойна жалости, а не ненависти»⁷⁸.

Этические принципы галлигенов, живущих в условиях общности имущества, неминуемо должны, по мнению Тифэня, отличаться от этических принципов, принятых во Франции XVIII в. Тифэнь доказывает, что утилитаристская этика Гельвеция выросла на почве частнособственнических отношений, он противопоставляет ей этику коллективизма. «Если верить Дункану, то мы сильно обогнали галлигенов в области морали. «Подумать только,— говорит он,— они еще не знают, что личная выгода—единственный стимул деятельности людей... Они не знают, что в других мы любим лишь самих себя и делаем добро лишь в расчете на ожидаемое добро». Больше же всего Дункан рассердило, что он напрасно тратил время, толкуя галлигенам об этих прекрасных истинах, предписывающих узнать и научиться презирать человека. Ему так и не удалось убедить их, что они не могут любить добродетель ради нее самой»⁷⁹.

Галлигены же противопоставляют кодексу разумно понятого интереса свой альтруистический кодекс: «Любовь к ближнему запечатлена во всех сердцах,— говорят галлигены.— Себялюбие часто ослабляет ее, но никогда не гасит окончательно. Даже в странах, где у людей есть своя земля, своя жатва, своя жена, свои дети, своя семья, свои друзья,— в странах, где право собственности придает столько силы личному интересу, и там часто проявляется любовь к ближнему, когда о нем, казалось бы, думают меньше всего. Свидетельством этого является сочувствие, которое столь часто вызывает жалость у людей, больше всего

⁷⁸ Ibid., p. 91—92.

⁷⁹ Ibid., t. II, p. 32—33.

преданных себе самим, жалость, которую некоторые напрасно хотели смешать со страхом подвергнуться той же участи, какая постигла человека, вызвавшего у него это чувство. Как будто эти два чувства, даже соединяясь, не явственно различны!»⁸⁰.

Противоставляя нравы, обычаи и законы галлигенов нравам и обычаям европейцев, Тифэнь отвергает обвинение в этическом релятивизме: «Мы далеки от этих безумных резонеров, узких умов, которые, видя, что похвальное в одной стране порицается в другой, говорят, что добро и зло — лишь условности и кощунствуют против добродетели. Они не видят, что чистая и бескорыстная любовь к ближним является подлинной добродетелью, первичной добродетелью, добродетелью, порождающей все другие, добродетелью, не изменяющей своей цели — счастьем человечества, и своим средствам — ... всему, что может быть полезным обществу»⁸¹.

4

Принимая нравы, обычаи и законы этики за производное от общественных отношений, т. е. считая их исторически обусловленными, Тифэнь в то же время считает человеческие характеры чем-то врожденным и неизменным. Таким образом, его историзм в вопросах нравственности вступает в противоречие с его антиисторизмом там, где речь идет о характерах. Тифэнь сам видит это противоречие, но принимает его за внутреннее противоречие, присущее обществу галлигенов. Принимая уравнительство за неизбежный атрибут общественной собственности и даже оправдывая его преимуществами справедливого устройства общества, Тифэнь все же, в отличие от других авторов коммунистических утопий, отдает себе отчет в слабых сторонах уравнительства, понимая, что оно не может обеспечить всеобщего счастья. И в то же время, не зная что противопоставить уравнительству, скованный в этом отношении своей эпохой, он приходит к выводу, что даже в безусловно справедливом коммунистическом строе должны появиться недовольные. И если у Мора в его «Утопии» или у Вераса в стране севарамбов речь идет об опасности, которую для коммунистического общества могут представлять войны с внешними врагами, то Тифэнь первый подумал об опасности пережитков старых общественных отношений в сознании людей, живущих коммунистическим строем. В этом новизна и оригинальность его утопии. Но правильно предвосхитив эту историческую закономерность, неизбежную при смене одного общественного строя другим, он, в силу механистичности

своего мышления, исторической незрелости и неразвитости новых общественных отношений, не может разрешить этого противоречия.

«Так как у галлигенов нет никакой личной собственности, никто у них не может ни разориться, ни разбогатеть, никому не известны расточительство, щедрость или скупость. Но они рождаются, как и другие, с теми естественными склонностями, которые образуют скупца, бережливого и мота, и каждый хотел бы, чтоб имущественно республика управляли в соответствии с его характером. «Мы не принимаем никаких мер предосторожности, — говорят одни, — мы почти ничего не откладываем и предоставляем жизнь граждан случаю. Что произойдет, например, если два-три года подряд будет неурожай?» — «Мы не знаем наслаждений, — говорят другие. — К чему эти склады, набитые под самую крышу продуктами, когда они так легко портятся? Видно, что нами правят старцы, постоянно встревоженные ожиданием будущего, они никогда не думают о наслаждении настоящим». Трудолюбивый хотел бы удвоить число рабочих дней и трудиться даже тогда, когда от него ничего не требуют. Ленивый хотел бы их сократить и увиливает, как может, едва нужно приняться за работу. Литератор не может подчиниться необходимости бросить перо, чтобы взяться за мотыгу или грабли, он хотел бы чтобы каждого использовали в соответствии с его склонностями, чтобы рыбаку дали сети, а любознательному — книги и обоим сказали: «Вот вам занятие на всю жизнь». С другой стороны, ремесленник и рабочий не понимают, как терпят бездельное занятие литературой, они думают, что книги годны лишь на то, чтобы поощрять безделье и приводить к неумелости в работе, необходимой для жизни»⁸².

Все эти противоречия, порождающие недовольство, неминуемо должны перерасти в социальное брожение: «В каждом обществе рождается себялюбие, а из себялюбия — любовь к собственности. Там, где все общее, как у галлигенов, эту страсть удовлетворить невозможно, и это огорчает каждого из них»⁸³. Этим недовольством и пользуется один из галлигенов, Монмор, обуреваемый страстями честолюбия, алчности и любви. Отныне Тифэнь отходит от жанра романа путешествий и берется за настоящий исторический роман в духе эпохи.

«Уже давно его честолюбивый и пылкий дух питал замыслы восстания. Он хотел бы уничтожить равенство галлигенов, установить среди них градацию рангов и овладеть высшим из них. Он хотел бы внедрить общение с другими народами, связаться со всеми нациями, распространить свою славу по всей

⁸⁰ [Ch.-Fr. Tiphaigne de la Roche]. Histoire des Galligènes, t. I, p. 33—34.

⁸¹ Ibid., p. 39—40.

⁸² Ibid., p. 22—24.

⁸³ Ibid., p. 19.

земле. Наконец, он захотел заменить законы республики европейскими и воспользоваться всеми теми преимуществами, которые они дают одним за счет других»⁸⁴. К этому Тифэнь добавляет еще романтический мотив — любовь Монмора к прекрасной Альсине, которую он хочет сделать своей женой. Все это толкает Монмора на заговор.

Как хитрый и ловкий политик Монмор не раскрывает сразу своих планов, а начинает сеять недовольство уравнильством, чтобы вербовать себе сторонников из среды недовольных: «Он хвалил трудолюбивых граждан за их любовь к труду, преувеличивая их заслуги перед республикой. Хитро показывая им, что республика не имеет законной возможности вознаградить их, он внушал им мысль об ущербности политики, не могущей ни воздать им должного, ни отличить их от лентяев, живущих в бедноте за счет их труда. Он восхищался деятельностью литераторов, расточая самые неумеренные похвалы их творениям, и сожалел, что им, созданным поучать людской род и быть чувствемыми покорными учениками, приходится заниматься, как и прочим, самым низким трудом. Он прибавлял, что в том униженном состоянии, в каком они пребывают, скрывается развитие талантов, что их лучшие книги показывают, что могли бы создать авторы, находясь под властью правительства, более склонного поощрять таланты»⁸⁵.

При этом Монмор уверяет заговорщиков, что действует в интересах общества: «Если бы ваши и мои интересы были нашим единственным стимулом, — говорил он им, — я не стал бы с таким пылом призывать вас на наш благородный подвиг. Но в моем сердце говорит голос отчизны, и он должен тронуть вас. Существующее правительство подходило для первых лет республики, тех лет, когда невежество и простота не допускали никаких различий между галлигенами. Но сегодня, когда личные качества граждан вносят такие различия между ними, равенство и общность стали только несправедливостью, смешивающей того, кто заслуживает, с тем, кто не заслуживает... Раньше галлигены, ничтожные числом, занятые лишь самым необходимым делом, даже не смотрели за пределы своего острова. Теперь им уготованы новые преимущества и новые наслаждения: нужно лишь захотеть, и торговля откроет нам все сокровища мира»⁸⁶. Монмор предлагает заговорщикам стать экспортерами «воздушного льна», монополистами которого они могут сделаться: «Поделится этим драгоценным льном с другими жителями земли и примем из их рук то лучшее, что производит их

климат. У нас хватит продуктов для населения во сто раз большего, чем мы составляем сейчас. Тогда сам собой отпадет варварский закон, установленный жестокой необходимостью, закон, прекращающий смену поколений и ставящий узкие рамки природе»⁸⁷. Монмор не устает ридиться в личину самого пламенного патриотизма: «Если вы сами не чувствительны к унижению, в котором живете, пусть хоть любовь к родине пробудит ваше усердие. Откройте глаза, взгляните, что она представляет и чем могла бы быть. Она протягивает вам руки, чтобы растрогать вас своею слабостью. Вооружитесь ради нее, уничтожьте косное правительство, усыпляющее души и сушащее сердца граждан! Введите европейские законы, эти мудрые законы, призванные составить ваше счастье и дать новую жизнь республике. Стройте корабли, и пусть торговля принесет нам со всех концов земли изобилие и процветание»⁸⁸.

В свои планы Монмор посвящает далеко не всех, а производит некоторую дифференциацию заговорщиков: «Он... призывал каждого осторожно прощупывать (sonder) настроение и вводить в конфедерацию пылких людей, рожденных для великих замыслов, убеждать в пользу грядущих перемен лишь тех, кто заслуживает хотя бы полудоверия, и тщательно скрываться от слабых душ, которых возмущает даже мысль о нововведениях»⁸⁹.

В конце концов заговорщики переходят к действиям. Избран Монмора вождем, «они поклялись быть полностью преданными ему, слепо подчиняться его приказам и, если нужно, пролить свою кровь и пожертвовать жизнью во имя общего дела»⁹⁰. Разрабатывается подробный план восстания и намечается его срок: заговорщики решают уничтожить совет старейшин в день праздника памяти Альмона, когда все старейшины собираются вместе, а народ разрознен, ибо в нерабочий день каждый существует вне связи с коллективом. «Известно, — замечает Тифэнь, — на какую низость и какие преступления способен сам по себе личный интерес, но когда он подкрепляется какими-нибудь софистическими доводами и маскируется любовью к общему благу, его жестокость и варварство могут дойти до невероятных пределов»⁹¹. У заговорщиков нет оружия, ибо оно хранится в арсеналах республики, но Монмору удается заказать для них кинжалы. В назначенный день колонна из 350 заговорщиков должна захватить арсеналы, а другая в 150 чел. во главе с Монмором должна напасть на дворец старейшин.

⁸⁴ [Ch.-Fr. Tiphaigne de la Roche]. Histoire des Galligènes, t. II, p. 63—64.

⁸⁵ Ibid., p. 66—67.

⁸⁶ Ibid., p. 69—70.

⁸⁷ Ibid., p. 70—71.

⁸⁸ Ibid., p. 71—72.

⁸⁹ Ibid., p. 72.

⁹⁰ Ibid., p. 77.

⁹¹ Ibid., p. 82.

Случайность их выдает: в ночь перед восстанием один из старейшин слышит спор двух колеблющихся заговорщиков и от них узнает о готовящемся преступлении. Немедленно принимаются меры: оружие из арсеналов раздается верным галлигенам, и некоторые из них отправляются на охрану дворца старейшин, остальные — к арсеналам и складам оружия. Кварталы женщин и детей, от которых нечего ждать помощи, запираются, чтобы они не мешали. К утру город галлигенов представляет собой вооруженный лагерь. Утром заговорщики попадают в засаду: отряд, посланный к арсеналам, окружен и сдается, Монмор же со своим отрядом устремляется в бой. «В миг заговорщики были подавлены, Монмора схватили в тот момент, когда он нагибался поднять оружие смертельно раненного гражданина, упавшего у его ног. В этой ужасной схватке сам он был только легко ранен. Но из приверженцев республики пало двадцать пять человек, погибли все сторонники Монмора, за исключением десяти, из которых, впрочем, несколько было смертельно ранено»⁹². На другой день Монмора судили, на площадь явилась его возлюбленная Альсина, и оба они были заколоты после соответствующих пламенных речей.

На острове галлигенов Дункан продолжает скучать по Европе. «Что делать в стране, где нечего рассчитывать на богатство, нельзя ходатайствовать о должности, невозможно надеяться на вознаграждение? В Европе один конкурент вас давит, а вы давите другого, вельможа вас унижает, а вы унижаете своего подчиненного, этот оставляет вас в дураках, а вы оставляете в дураках другого. У вас есть друзья, и каждодневно они вам дают повод жаловаться на них, у вас есть жена и право плохо с ней обращаться, дети, которым вы в поте лица и в ночных бдениях готовите обеспеченность и возможности мотовства, — все это занимает вас, время идет, у галлигенов же можно умереть от скуки»⁹³.

И Дункан решает вернуться в Европу; взяв с него слово, что он не выдаст координаты их острова, его отпускают на специально построенном корабле. Конечно, он остается в живых, несмотря на еще одно кораблекрушение⁹⁴. Перед читателем снова ставится вопрос: выдать ли европейцам тайну острова, или пусть лучше у галлигенов сохранится хотя бы и несовершенный, но более справедливый строй. Автор иронически становится в позу противника строя галлигенов: «Я слышал, что Дункан упрямо скрывает местоположение острова галлигенов. Я не понимаю почему. Ведь верно, что этот воздушный лен и соляная

смола очень заманчивы, мы не можем себе позволить не захватить острова, производящего столь редкостные продукты. Но освобождая от них галлигенов, мы постараемся им передать наши нравы и наши обычаи, и их потери будут возмещены. Взгляните на Америку: она была захвачена и залита кровью, но в то же время ее цивилизуют день ото дня, и американцам нечего возразить. Дункан поклялся, Дункан связан словом, он должен молчать. Это конечно очень сильные доводы, но если доказать Дункану, что именно ради блага галлигенов мы отнимем у них свободу и захватим их земли, если подкрепить это очень вескими доводами, известными, столь внушительными средствами, облегчающими совесть, я сомневаюсь, чтобы Дункан смог противостать доводам, представленным столь убедительным способом. Я даже думаю, что он ждет, чтоб его искушали таким способом; и так как он раб своего слова, он встревожен, он боится пасть»⁹⁵.

Совершенно ясно, что окончательный вывод сделан Тифэнем в пользу галлигенов. К этому мнению пришел и неизвестный раздражительный читатель книги, написавший в начале XIX в. (как можно судить по почерку) на ее форзаце: «Эта довольно плоская книжка содержит первые следы коммунизма, который стремятся возродить в наши времена. Уж не предшественник ли это Бабефа?»⁹⁶. На этот вопрос нелегко ответить: Бабеф на Тифэня нигде не ссылается. Но даже если Тифэнь и не связан с Бабефом, как его учитель и предтеча, он несомненно является его предшественником во времени. А кроме того, самая его эволюция от эгалитаристской утопии с ее роялистскими иллюзиями и робкими надеждами на сохранение средней собственности к коммунистической утопии показательна как свидетельство эволюции общественного сознания Франции в предреволюционные годы. И с этой точки зрения Тифэнь Деларош, забытый утопист XVIII в., несомненно заслуживает нашего внимания.

⁹⁵ Ibid., p. 132—133.

⁹⁶ «Ce livre assez plat contient les premières traces du communisme, qu'on a taché de renouveler dans le temps où nous vivons. Estce un precurseur de Babeuf?» Экземпляр Государственной Публичной Библиотеки СССР им В. И. Ленина в Москве, шифр $\frac{517}{289}$ (старый шифр XXIV $\frac{6B}{11}$).

⁹² [Ch.-Fr. Tiphaigne de Roche]. Histoire de Galligènes, t. II, p. 113.

⁹³ Ibid., p. 128.

⁹⁴ Ibid., p. 127.